

В. В. Сердечная

*Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
rintra@yandex.ru*

О БОГЕ, КОТЯТАХ И НЕГРИТЯТАХ: ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ И УИЛЬЯМ БЛЕЙК

Вениамин Блаженный близок Уильяму Блейку в стилистике (анималистические метафоры и упрощенно-детский язык для высказывания метафизических истин) и отчасти в тематике (отталкивание от пророческой традиции Ветхого Завета, тема недоброго демиурга, образ птицы как вдохновенного существа, тема зловещей урбанизации мира). В стихотворении В. Блаженного «Если Бог уничтожит людей, что же делать котенку?..» (1982) присутствует цитирование «Негритенка» и «Маленького трубочиста» У. Блейка.

Ключевые слова: *поэзия В. Блаженного; «Песни невинности и опыта» У. Блейка.*

Задача восстановления контекстов чтения в отношении поэзии Вениамина Блаженного все еще видится актуальной. Одним из таких контекстов, как показывает анализ лирики поэта, является творчество английского поэта-романтика Уильяма Блейка.

У В. Блаженного и У. Блейка можно отметить черты типологической общности творческой биографии. Даже профессии у них были во многом схожи — художник, переплетчик, печатник. Оба они писатели библейские, находящиеся в долголетнем и сложном диалоге не только со Священным Писанием как таковым, но и с различными традициями его истолкования. Оба они слыли или были признаны безумцами. Оба выделялись из контекста времени и не были органической частью литературной среды, с трудом находили себе читателя. О Блейке Томас Стернз Элиот сказал, что его стихи отличаются «неудобностью» (*unpleasantness*) великой поэзии; думаю, этот эпитет очень подходит и для стихов Вениамина Блаженного.

В. Блаженный мог читать У. Блейка в разных переводах. Переводы из У. Блейка авторства Самуила Маршак активно публиковались с 1957 года, а в 1965 году вышла книжка [6]. Затем, в 1975 году, в Библиотеке всемирной литературы, в томе поэзии английских романтиков, была дана большая подборка переводов из У. Блейка разных авторов, которая затем стала основой издания 1978 г. Наконец, в 1982 году вышел большой том лирики и поэм У. Блейка, билингва [7]. Судя по найденным текстуальным перекличкам, наиболее близким или наиболее известным для В. Блаженного был стихотворный цикл У. Блейка «Песни невинности и опыта».

Невинность и опыт, осмысливаемые как детство и старость, — постоянные объекты поэтической рефлексии Вениамина Блаженного. У Блейка эти «состояния души», невинность и опыт, оказываются концептуально нагруже-

ны: невинность есть свобода от социальных ограничений, идиллическая наивность и детство; опыт есть осознание социально-урбанистического давления на личность, реальность агрессии и так далее. Ярko представляют у Блейка эти состояния «Агнец» и «Тигр» — знаменитая пара стихотворений о добром Господе-агнце, Господе-ребенке и о суровом творце тигра. У В. Блаженного противопоставление детства и старости носит более личностную окраску, однако является также сквозным мотивом лирики и лейтмотивной характеристикой образа лирического героя.

С большой долей вероятности можно говорить о том, что двух поэтов объединяет в той или иной мере опора на ветхозаветно-пророческие тексты и на гностическую традицию. В лирике и поэмах У. Блейка, в стихах В. Блаженного раз за разом возникает тема спора с Богом, гневного отрицания Его верховенства, проблема теодицеи — и всё это касается у обоих поэтов образа Бога-демиурга, ветхозаветного творца, Бога закона и возмездия, который требует жертв. У Блейка существует развернутая мифология, относящаяся к образам Бога-Отца; у Блаженного в стихах также явлен целый «спектр образов Бога Отца: от седого Господа, воплощения кротости и милосердия, до кровавого небесного Палача, — неопределенность знака Отца связана с невозможностью понять, в какой степени Он заинтересован в данных несправедливостях» [1, с. 172]. При этом оба поэта совсем иначе относятся к Христу, Богу любви и прощения, — для них он воплощает божественность, обращенную к человеку. И Блаженный, и Блейк создают авторские поэтические образы Христа, словно очищая его от хрестоматийной пыли.

Далее, принципиальным лейтмотивом творчества В. Блаженного являются образы животных и детей, как «малых сих», воплощающих хрупкость одушевленного бытия.

В стихотворении В. Блаженного «Если Бог уничтожит людей, что же делать котенку?..» (1982) очевидно цитирование «Негритенка» и «Маленького трубочиста» У. Блейка (строчка о гробах):

Если Бог уничтожит людей, что же делать котенку?..
«Ну пожалуйста, — тронет котенок всевышний рукав, —
Ну пожалуйста, дай хоть пожить на земле негритенку, —
Он, как я, черномаз и, как я, беззаботно-лукав... <...>
Ибо все мы друг с другом в веселые игры играем, —
Даже те, кто, как дети, попрятались в темных гробах...» [5, с. 57].

Стихотворение “The Little Black Boy” в переводе В. Топорова — как раз «Негритенок»:

Там, где рожден я, — солнце и песок,
И черен я, одна душа бела.
Английский мальчик — белый ангелок,
А негритянский — черная смола [7, с. 109].

А образ детей в гробах — очевидно, аллюзия на «Маленького трубочиста»:

Он забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто он, Дин и Нэд и десятки ребят
В черных гробиках тесных под крышками спят.

Но приходит к ним ангел с ключом золотым,
Он гроба отпирает один за другим,
И ребята вприпрыжку несутся к реке
И, умывшись, играют в лучах на песке [6, с. 63–64].

Если у Блейка в «Маленьком трубочисте» ангел открывает детские гробы ключом, то у Блаженного в стихотворении 1983 г. «Когда-нибудь и я из сердца выну ключик...» происходит обратная операция: он достает из гроба ангельские крылья для себя.

От апокалипсиса анималистический герой В. Блаженного дерзко склоняет фабулу к миру невинности, к детско-животному Эдему, оспорив решение «бешеного и опрометчивого Боже», У. Блейк также говорит об особой духовной отмеченности животного мира: животные, в отличие от людей, говорит он, не так ограничены от мира вечности. В поэме «Бракосочетание рая и ада»: «Вам, людям, не узнать, что в каждой птице на лету / Безмерный мир восторга, недоступный вашим чувствам!» [7, с. 357]. Образ птицы как вешего, высшего существа, которому доступны откровения, появляется в стихотворениях Блаженного «...И тогда от меня отделилась какая-то часть естества...» (1983), «Господь, Господь, я только птаха малая...» (1985) и многих других.

Стихотворение «Я не заметил вас во мраке...» интересно читается в контексте противопоставления образов тигра и агнца, характерного для У. Блейка. Здесь у В. Блаженного появляется образ божьей матери-тигрицы, почти оксюморон, но очень характерный для стилистики В. Блаженного:

Но в глубине зрачков таится
Мечта о ласковом дитяти,
И мать кроткая — тигрица, —
Она ведь тоже божья мать... [2, с. 71].

Если Христос — это агнец божий, то мать божья никак не может быть тигрицей, но В. Блаженный предлагает этот смелый и красивый образ, диалектически объединяя тигра и Агнца в одно.

Мотивы отождествления судьбы насекомых и человека неоднократно звучат у В. Блаженного, как и у Блейка в «The Fly»:

Пусть не букашкой буду — роди меня мошкой!
Как бы мне мошкой вольно в просторе леталось!
Дай погулять мне по свету еще хоть немножко,
Дай погулять мне по свету хоть самую малость.

Пусть и не мошкой даже — блошкой, тлѐю
Белого света хочу я чуть слышно касаться,
Чтоб никогда не расстаться с родимой землею,
С домом родимым моим никогда не расстаться... [4, с. 86].

В лирике В. Блаженного появляется и сюжет диалога песнопевца с Богом, схожий с разговором с ангелом-ребенком во вступлении к «Песням невинности»:

Неправда, что Господь изгнал меня из рая, —
Он попросил меня на время выйти вон,
Чтобы, в свою дуду дурацкую играя,
Не потревожил я его блаженный сон.

Проснѣтся мой Господь — и снова будет весел,
И бороду свою расчесет на ходу,
И спросит: — Где же тот, кто знает столько песен,
Кто знай себе дудит в дурацкую дуду?... [3, с. 56].

Ср. у Блейка (пер. В. Топорова):

С дудкой я бродил в лесах,
Дул в зеленое жерло.
Вижу: с тучки в небесах
Свесилось дитя мало.

— Про ягненка мне сыграй! —
Я сыграл, как мне велят.
— Ах! и снова начинай! —
Вижу: божий мальчик рад [7, с. 507].

Много общего у Блейка и Блаженного в ощущении города, в ощущении катастрофы урбанизации. Несмотря на то что Блейк живет на заре этого процесса, а русский поэт — в разгаре, стихотворение Блаженного «А я давно живу в том бесноватом граде...» (1993) во многом сходно с «Лондоном» английского поэта: в ощущении богооставленности, в использовании оксюморонов. У Блейка город исполнен зловещих противоречий: здесь и оксюморонный «брачный катафалк» (the marriage hearse), и страшная метафора «вздых несчастного солдата кровью течет по стенам дворца» (And the hapless soldiers sigh / Runs in blood down palace walls). У Блаженного он весь в страшных оксюморонных деталях: здесь дети с камнями, «ангелов-скопцов дубасят кулаками», горожане «крестятся ножами» и стреляют из пушек по лебедям [5, с. 267].

А в строках «Мне неизвестны библейские сроки» (последняя строфа, об облике Бога) можно найти перекличку с «Вечносушим Евангелием» Блейка. У Блаженного говорится:

...Знаю я только, что Господа рыжего
 Ждет и затравленный кот на помойке,
 Ждет и старик с застарелою грыжею.
 <...>
 Господи, будь же повсюду со мною
 Там, где тебя окликаю я горестно, —
 Грозной увенчан ли ты рыжиною,
 Русоволос ли, чернее ли ворона... [2, с. 74].

У Блейка Христос также — не хрестоматийный:

Христос, которого я чу,
 Враждебен твоему Христу.

 С горбатым носом твой Христос,
 А мой, как я, слегка курнос.

 Твой — друг всем людям без различья,
 А мой слепым читает притчи [6, с. 175].

Христос у обоих поэтов — герой глубоко личный, обладающий чертами простого человека, отражающийся в лирическом герое: у Блаженного он может быть рыжим или русым, черноволосым, у Блейка — курносым; и, конечно, это самый милостивый Господь, который исполнен сочувствия к бедным, больным, несчастным и малым сим.

Таким образом, в стихах 1980–1990-х годов у В. Блаженного ощутимы следы знакомства с творчеством У. Блейка, в особенности «Песнями невинности и опыта»: английский поэт близок В. Блаженному как поэт неустанного духовного поиска, актуальными героями лирики которого остаются Христос, Иегова и ангелы. Вениамин Блаженный вступает с У. Блейком в диалог на многих уровнях, но особенно интересно сочетание «экологической» сострадательной тематики и богоборческих настроений по отношению к карающему Богу-Отцу.

Библиографические ссылки

1. Анкудинов К. Стезей избытка // Новый мир. 2003. № 1. С. 167–174.
2. Блаженный В. Мне неизвестны библейские строки... // Дружба Народов. 1997. № 5. С. 70–74.
3. Блаженный В. Моими очами. Стихи последних лет / сост. Д. Кузьмин. М.: Арго-рис; Тверь: Колонна, 2005. 64 с.
4. Блаженных В. Возвращение к душе. М.: Сов. писатель, 1990. 160 с.
5. Блаженный В. Сораспятие. Минск: Итекс-олегран, 1995. 287 с.
6. Блейк В. Избранное: в переводах С. Маршака. М.: Худож. лит., 1965. 184 с.
7. Блейк У. Стихи = Selected Verse / пер. С. Маршака и др., ред. А. М. Зверев. М.: Прогресс, 1982. 558 с.